

Мышиная нора

Николина

Восковница, очанка, белладонна,
Гадючий клык и с ним — свиный глаз,
Толика плоти и растений благовонных
Добру послужит или силы злу придаст.

Сольется кровь врагов ручьем единым,
Когда души коснется мрак ночной,
И устремятся духи их незримо
Навстречь друг другу, скованные тьмой*.

Знакомое заклинание, о да, очень знакомое. Наше любимое. Она часто позволяет нам читать его. Гримуар. Страницу. Заклинание. Наши пальцы скользят по каждому росчерку пера, каждой выцветшей букве, и в них чувствуется покаявание. Заклинание обещает, что мы никогда не будем одиноки,

---

* Здесь и далее стихотворные переводы Марии Шмидт.

и мы верим ему. Мы верим *ей*. Ведь мы не одиноки — и никогда не бываем одиноки: мышки живут в норе с другими мышками, со *множеством* других мышек. Они ютятся вместе, чтобы вырастить своих мышат, своих детишек, найти теплые и укромные местечки, полные пищи и магии. Они находят норки без болезней и смерти.

Наши пальцы сминают пергамент, оставляя свежие заломы.

Смерть. Смерть, смерть, *смерть*, наш друг и враг, непременно придет за нами всеми.

Но не за мной.

«Мертвецы не должны вспоминать о былом, страшитесь того, что им снится...»

Мы яростно рвем бумагу на кусочки. Мелкие-мелкие. Они рассеиваются, словно пепел на снегу. Словно воспоминания.

Мышки ютятся вместе, да — они согревают и берегут друг друга, — но если какой-нибудь мышонок заболит, его съедят. О да. Его проглотят и сожрут, сожрут, чтобы прокормить мать, нору. Последыш всегда болен. Всегда мал. Мы съедем больную мышку, и она накормит нас.

Она накормит нас.

Мы устроим охоту на ее друзей, на ее *друзей*. Из горла вырывается рычание. Это просто слово, пустое обещание... Мы будем кормить их, пока они не располнеют от горя и вины, от отчаяния и страха. Куда бы мы ни пошли, они последуют за нами. Тогда мы сожрем и их. И когда мы приведем больную мышку к ее матери в Шато ле Блан... когда ее

тело увянет, когда она *истечет кровью*... ее душа
останется с нами навсегда.

Она накормит нас.

Мы никогда не будем одиноки.

L'Enchanteresse

Рид

Над кладбищем стелился туман. Надгробия — древние, полуразваленные, с давно стертыми стихией надписями — пронзали небо у края утеса, где мы стояли. Море внизу было необычайно тихим. В этом жутком предрассветном свечении я наконец понял смысл выражения «могильная тишина».

Коко устало потерла глаза и указала на церквушку, проглядывавшую сквозь туман. Маленькая. Деревянная. Крыша местами обвалилась. Свет в окнах не горел.

— Кажется, она заброшена.

— А если нет? — фыркнул Бо и покачал головой, но все же остановился и, зевая, добавил: — Это же церковь, а наши лица расклеены по всей Бельтерре. Даже деревенский священник узнает нас.

— Ладно. — Голос изможденной Коко прозвучал не так язвительно, как, возможно, она того хотела. — Спи тогда с собакой на улице.

Мы разом обернулись и посмотрели на призрачного белого пса, следовавшего за нами по пятам. Он появился у Цезарина, когда мы решили отправиться в путь по побережью, а не обычной дорогой. Мы уже были сыты по горло Ля-Фореде-Ю. Многие дни пес следовал за нами, но близко никогда не подходил. Настороженные, растерянные матаготы исчезли вскоре после его появления. Они так и не вернулись. Возможно, пес и сам был беспокойным духом — новым видом матагота. А может, просто дурным предзнаменованием. Вероятно, поэтому Лу до сих пор не дала ему имени.

Существо смотрело на нас, и взгляд его был почти что осязаем. Я покрепче сжал руку Лу.

— Мы всю ночь на ногах. Никто не станет искать нас в церкви. Там можно спрятаться, как и в любом другом месте. А если церковь не заброшена, — перебил я Бо, который начал возражать, — мы уйдем прежде, чем нас заметят. Согласны?

Взглянув на Бо, Лу ухмыльнулась. Так широко, что я мог бы пересчитать все ее зубы.

— *Боишься?*

Бо кинул на нее подозрительный взгляд.

— После туннелей тебе бы тоже стоило.

Ее ухмылка исчезла. Коко заметно насторожилась и отвела взгляд. Я и сам невольно выпрямился, чувствуя напряжение. Лу ничего больше не сказала. Она просто отпустила мою руку и подошла к двери. Повернула ручку.

— Не заперто.

Мы с Коко молча последовали за ней в церковь. Бо зашел внутрь секундой позже, встревоженно

оглядывая темное помещение. Толстый слой пыли покрывал канделябр.

На деревянном полу виднелись пятна затвердевшего воска, валялись сухие листья и мусор. Из алтарной подул сквозняк. Он пах соленой водой. Тленом.

— Да здесь же до хрена призраков, — прошептал Бо.

— За языком следи, — хмуро бросил я, входя в алтарную. У меня все сжалось в груди, когда я увидел обветшалые скамьи. Вырванные страницы из псалтыря, гниющие в углу. — Когда-то это было священное место.

— Здесь нет призраков.

Голос Лу эхом разнесся в тишине. Она стояла позади меня и внимательно смотрела на витражное окно. В ответ на нее глядело гладкое лицо святой Магдалены. Самая молодая святая в Бельтерре, Магдалена почиталась Церковью за то, что подарила мужчине благословленное кольцо. После чего этого мужчину вновь полюбила нерадивая жена, да так яро, что ни за что не желала покидать его. Даже когда он отправился в опасное морское путешествие, она последовала за ним и утонула. Но слезы Магдалены воскресили ее.

— Духи не могут населять священную землю.

Бо слегка нахмурился.

— Как ты можешь это знать?

— А как ты можешь этого не знать? — парировала она.

— Нам нужно отдохнуть, — сказал я, обнял Лу за плечи и проводил ее к ближайшей скамье. Она выглядела еще бледнее обычного, темные круги

залегли под глазами, волосы растрепались после долгого и утомительного путешествия. Несколько раз — когда она думала, что я не смотрю, — я замечал, как она содрогалась всем телом, словно боролась с каким-то недугом. Я не удивился. Она через многое прошла. Как и все мы. — Местные скоро проснутся. И придут на любой шум.

Коко устроилась на скамье, закрыла глаза и натянула на лицо капюшон плаща, закрываясь от нас.

— Кто-то должен остаться в дозоре.

Я уже открыл рот, чтобы вызваться добровольцем, как меня опередила Лу:

— Я останусь.

— Нет. — Я покачал головой, силясь вспомнить, когда Лу спала в последний раз. Она прижалась ко мне, и ее кожа оказалась холодной и липкой. Если Лу и правда боролась с каким-то недугом, ей нужно было отдохнуть. — Поспи. Я за всем присмотрю.

Из горла Лу вырвался какой-то звук, когда она прижала ладонь к моей щеке. Большим пальцем провела по губам, слегка задержавшись на них. Взглядом тоже.

— Я бы лучше присмотрела за тобой. Что я увижу в твоих снах, шасс? Что я услышу в твоих...

— Посмотрю, нет ли еды на кухне, — пробормотал Бо, протискиваясь мимо нас.

Он бросил на Лу взгляд, полный отвращения. Глядя ему вслед, я почувствовал, как заурчал желудок. С трудом сглотив, я решил не замечать боль от голода. В груди вдруг все сжалось. Я нежно отнял руку Лу от своей щеки, снял пальто и протянул его ей.

— Иди поспи, Лу. Я разбужу тебя на рассвете, и мы... — Слова обжигали горло. — ...И мы двинемся дальше.

В Шато.

К Моргане.

На верную смерть.

Я снова промолчал о своих опасениях.

Лу ясно дала понять, что отправится в Шато ле Блан, и неважно, пойдём мы с ней или нет. И хотя я возражал... хотя напоминал ей, *зачем* мы вообще искали союзников, *зачем* они были нам нужны... Лу твердила, что может в одиночку одолеть Моргану. «Ты слышал Клода». Твердила, что больше не станет колебаться. «Она не может навредить мне». Твердила, что сожжет замок дотла и всех своих сородичей заодно. «Отстроим заново».

— Что именно? — с опаской спросил я тогда.

— Все.

Никогда не видел, чтобы Лу к чему-то шла так целеустремленно. Нет, скорее одержимо. Бывали дни, когда ее глаза сверкали свирепым огнем, какой-то дикой жадой, а порой они оставались совершенно тусклыми. И такие дни были куда хуже. Она смотрела безжизненным взглядом, не замечая меня и моих слабых попыток утешить ее.

Лишь один человек мог ее утешить.

Но его больше не было на свете.

Лу притянула меня к себе, рассеянно поглаживая мою шею. От ее холодного прикосновения по спине у меня побежали мурашки. Мне тут же захотелось отстраниться, но я подавил это желание.

Тишина окутала церковь, тяжелая и гнетущая. Лишь мой желудок урчал. Голод стал мне постоянным спутником. Не помню, когда я последний раз ел досыта. С «Труппой Фортуны»? В Яме? В Башне? Коко лежала на противоположной скамье. Ее дыхание постепенно выровнялось. Я сосредоточился на звуке, на потолочных балках, чтобы не думать о ледяной коже Лу или о рези в желудке.

Мгновение спустя из кухни раздался крик, и дверь распахнулась. Бо рванулся вперед, пролетев мимо алтаря.

— «Тарабарщина»! — Он отчаянно замахал на дверь, и я вскочил на ноги. — Бежим! Сейчас же, *сейчас же!* Давайте...

— А ну, стой!

В зал, размахивая деревянной ложкой, вбежал скрюченный мужчина в облачении священника. С ложки стекало желтоватое рагу. Словно Бо прервал его утреннюю трапезу. Кусочки овощей, застрявшие в бороде — седой, неухоженной, скрывающей пол-лица, — подтвердили мои подозрения.

— А ну, *вернись*...

Увидев нас, священник резко умолк и замер. Я непроизвольно отвернулся, чтобы скрыть лицо в тени. Лу натянула капюшон на белые волосы, а Коко встала, готовая бежать.

Поздно. Глаза священника сверкнули — он узнал нас.

— Рид Диггори. — Мрачным взглядом он окинул меня с головы до пят, а потом посмотрел мне за спину. — Луиза де Блан.

Бо не сдержался и кашлянул в проходе. Священник бросил на него короткий взгляд, фыркнул и покачал головой.

— Да, юноша, я знаю, кто ты. И кто *ты*, — сказал он, глядя на Коко, чье лицо скрывали капюшон и темнота.

Верный своему слову, Жан-Люк добавил портрет Коко о розыске к нашим.

Священник сощурился, заметив, что Коко достала кинжал.

— Убери его, пока не порезалась.

— Мы просим прощения, что вторглись в вашу церковь. — Я умоляюще поднял руки и кинул на Коко предостерегающий взгляд. Медленно вышел в проход, осторожно двигаясь к дверям. Лу следовала за мной по пятам. — Мы не причиним никому вреда.

Священник фыркнул, но ложку опустил.

— Вы вломились в мой дом.

— Это церковь, — вяло произнесла Коко и уронила руку, словно не могла больше выдержать веса кинжала. — А не личное жилье. И дверь была не заперта.

— Может, ты сам ее не запер, чтобы нас сюда заманить, — неожиданно радостно предположила Лу. Наклонив голову, она внимательно и восхищенно смотрела на священника. — Как паук заманивает добычу в свою паутину.

От такой резкой смены разговора священник нахмурился, да и я тоже.

— Что? — В голосе Бо отразилась наша растерянность.

— В темных глубинах леса, — пояснила Лу, вскинув бровь, — обитает паучиха, которая охотится на других пауков. Мы называем ее L'Enchanteresse. Чаровница. Да, Коко?

Коко ничего не ответила, но Лу невозмутимо продолжила:

— Чаровница заползает на паутины своих врагов, дергает их шелковые нити, обманывает, будто бы попала в их путы. А когда пауки приползают съесть жертву, она нападает на них и медленно отравляет своим редчайшим ядом. Долгие дни она наслаждается добычей. Воистину она из немногих существ, которые испытывают наслаждение, причиняя боль.

Все уставились на нее. Даже Коко.

— Жутковато, — наконец сказал Бо.

— Умно.

— Нет, — поморщился он. Его лицо скривилось. — Это каннибализм.

— Нам нужно было где-то укрыться, — прервал я их, но слишком громко. Слишком отчаянно.

Священник, который хмуро и растерянно наблюдал за их препирательством, посмотрел на меня.

— Мы не знали, что в церкви кто-то есть. Мы сейчас же уйдем.

Он молча оглядывал нас, слегка изогнув губы. В ответ передо мной вспыхнуло золото — выскивая, изучая, защищая. Но я не отозвался на его безмолвный вопрос. Магия мне здесь не понадобится. У священника в руках лишь ложка. Даже размахивай он мечом, по его лицу видно, что он уже

стар. Сморщен. Несмотря на высокий рост, время иссушило его мускулы, оставив лишь тощего старика. Мы могли бы легко сбежать от него. Я схватил Лу за руку, готовясь к побегу. Затем бросил взгляд на Коко и Бо. Они понимающе кивнули.

Нахмурившись, священник вскинул ложку, словно хотел остановить нас, но тут новая волна голода скрутила мой желудок. Урчание прокатилось по церкви подобно землетрясению. Такое было сложно не услышать. Прищурившись, старик оторвал взгляд от меня и молча посмотрел на святую Магдалену. Спустя секунду он нехотя спросил:

— Когда вы в последний раз ели?

Я молчал. Жар обжег мне щеки.

— Мы сейчас же уйдем, — повторил я.

Старик посмотрел мне прямо в глаза.

— Я спрашивал о другом.

— Несколько... дней назад.

— А именно?

— Четыре, — ответил Бо за меня.

Еще одно могучее урчание моего желудка нарушило молчание. Священник покачал головой. Он выглядел так, будто предпочел бы проглотить ложку, но все же спросил:

— А... когда вы в последний раз спали?

И снова Бо ответил, видимо, не в силах промолчать.

— Пару дней назад подремали в рыбацкой лодке, но один из лодочников увидел нас перед рассветом. Болван, попытался поймать нас в сеть.

Священник метнул взгляд на дверь церкви.

— Он, случайно, не пошел за вами сюда?

— Я же сказал, он болван. Рид сам его поймал.
Священник снова посмотрел мне в глаза.

— Вы не навредили ему.

Это был не вопрос, и отвечать я не стал. Просто крепче сжал руку Лу, приготовившись бежать. Этот старик... этот *праведник*... скоро забудет тревогу. Нам нужно уйти на много миль отсюда прежде, чем объявится Жан-Люк.

Лу, похоже, не разделяла моих опасений.

— Как тебя зовут, церковник? — с любопытством спросила она.

— Ашиль. — Он снова нахмурился. — Ашиль Альтье.

Имя показалось мне знакомым, но я не смог его вспомнить. Возможно, он бывал когда-то в соборе Сан-Сесиль де Цезарин. Может быть, я тогда еще служил шассером. Я посмотрел на него с подозрением.

— Почему вы не позвали охотников, отец Ашиль?

Священнику явно стало не по себе. Плечи его напряглись, и он уставился на свою ложку.

— Вам нужно поесть, — угрюмо сказал он. — У меня осталось рагу. Хватит на всех.

Бо не колебался.

— Какое рагу?

Я бросил на него взгляд через плечо, но Бо лишь пожал плечами.

— Он мог бы перебудить всю деревню, еще когда увидел нас...

— Он все еще может это сделать, — мрачно сказал я.

— ...и мой желудок вот-вот себя съест, — закончил Бо. — Как и твой, судя по звукам. Нам нужно подкрепиться. — Он принюхался и спросил отца Ашиля: — А в рагу есть картошка? Я к ней неравнодушен. Она такая приятная.

Священник прищурился и махнул ложкой в сторону кухни.

— Прочь с глаз моих, юноша, пока я не передумал.

Бо понуро свесил голову и проскользнул мимо нас. Мы же с Лу и Коко не сдвинулись с места. Затем обменялись настороженными взглядами. После долгой минуты отец Ашиль тяжело вздохнул.

— Можете поспать здесь. Но только один день, — раздраженно добавил он. — Главное, не беспокойте меня.

— Сегодня воскресное утро. — Коко наконец сняла капюшон. Ее губы потрескались, лицо побледнело. — Разве жители деревни не придут скоро на службу?

Священник фыркнул.

— Я уже много лет не провожу службу.

Отшельник. Ну конечно. Теперь понятно, почему часовня в таком плачевном состоянии. Раньше я бы отнесся к старику с презрением за то, что он не состоялся как священнослужитель. Как человек. Я бы отчитал его за то, что он отрекся от своего призвания. От Бога.

Как же все изменилось.

Бо появился с глиняной миской и небрежно прислонился к дверному проему. Вокруг его лица

клубился пар от рагу. Когда у меня снова заурчало в животе, он ухмыльнулся.

— Почему вы помогаете нам, отец Ашиль? — спросил я сквозь зубы.

Священник неохотно скользнул взглядом по моему бледному лицу, жуткому шраму Лу, вялой Коко. По нашим запавшим глазам и впалым щекам. Он отвел взгляд и уставился в пустоту за моим плечом.

— Какая разница? Вам нужна еда. У меня она есть. Вам нужно где-то поспать. У меня есть пустые скамьи.

— Многие священнослужители не стали бы привечать нас.

— Многие священнослужители не стали бы привечать даже собственную мать, будь она грешницей.

— Нет. Но они сожгли бы ее, будь она ведьмой.

— Ты этого ищешь, юноша? — язвительно спросил священник, вскинув бровь. — Костра? Хочешь, чтобы я отмерил тебе божью кару?

— Сдается мне, — протянул Бо у порога, — он просто намекает на то, что вы и есть священнослужитель... если только вы сами не из грешников. Вас не жалуют среди своих, отец Ашиль? — Он многозначительно оглядел полуразрушенную часовню. — Терпеть не могу спешить с выводами, но думаю, наши любимые патриархи наверняка послали бы кого-нибудь починить эту конуру.

Ашиль помрачнел.

— Следи за языком.

Прежде чем Бо еще больше подлил бы масла в огонь, я оборвал его, широко раскинув руки.